
**ПРЕСТУПНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВА**

**CRIME AND PERSONALITY OF CRIMINALS IN TERMS
OF LAW GLOBALIZATION AND UNIFICATION**

УДК 343.97

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).666-676

**ГЕОГРАФИЯ КРИМИНАЛЬНОГО СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В.П. Очередыко¹, С.П. Ломтев², В.С. Харламов³

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

³ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

17 января 2017 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Насилие; преступление; мотив; семья; супруги; жертва

Аннотация. В статье представлена картина распространенности криминального супружеского насилия в регионах России, раскрыта динамика преступного насилия в отношении супруга в семье, рассмотрены гендерные соотношения при совершении супружеских убийств и менее тяжких преступлений. Дана оценка латентности рассматриваемых криминальных посягательств. На основе анализа официальной уголовной статистики, результатов криминологических и социологических исследований, трудов российских и зарубежных ученых выявлена специфика криминального насилия в супружеских отношениях, их общественная опасность. Показано влияние возрастных кризисов на отношения между супругами. Проанализированы наиболее кризисные периоды семей молодых, зрелых и пожилых. Выявлена корреляция между высокой социальной активностью супругов и риском возникновения криминальной патологии в семейных отношениях. Отражены доминирующие факторы разводов в российских семьях. В частности, отмечены преобладание материального неблагополучия, злоупотребление алкоголем и наркотиками, взаимная нетерпимость супругов. Рассмотрены доминирующие виды внутрисемейного насилия в отношении супругов. Подчеркивается, что распространяемые взгляды феминистов о дискриминации женщин в семье со стороны мужчин искажают реальную картину насилия между супругами. Исследованы разнообразные мотивы, побудившие к совершению насильственных супружеских преступлений. Установлено, что мотив внутрисемейной борьбы за власть и лидерство преобладает в большинстве наиболее опасных насильственных посягательств, таких как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Резюмируется, что супружество выступает одной из ключевых ценностей на всех этапах жизни семьи. Криминал, врывающийся в супружеские отношения, разрушает семью, ухудшает внутрисемейный микроклимат, травмирует других домочадцев.

**THE GEOGRAPHY OF CRIMINAL SPOUSAL VIOLENCE
IN CONTEMPORARY RUSSIA**

Victor P. Ocheredko¹, Sergey P. Lomtev², Valentin S. Kharlamov³

¹ The Northwestern Branch of Russian State University of Justice, Saint-Petersburg, the Russian Federation

² Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation

³ Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2017 January 17

Accepted

2017 November 27

Abstract. The authors describe the distribution of criminal spousal violence in Russian regions, show the dynamics of criminal violence against a spouse, examine gender correlations for spousal homicide and less serious crimes. They evaluate the latency of these criminal infringements and use the analysis of official criminal statistics, results of criminological and sociological studies, works of Russian and foreign scholars to identify the specific features of criminal violence in spousal relations and their public danger. The au-

© В.П. Очередыко, С.П. Ломтев, В.С. Харламов, 2017

Available online
2017 December 15

Keywords

Violence; crime; motive; family; spouses; victim

thors also show the influence of age crises on relationships between spouses and analyze the peak crisis periods for young, mature and senior families. They identify the correlation between active social life of spouses and the danger of the emergence of criminal pathology in family relations. The dominant causes of divorces in Russian families are presented. In particular, the authors stress material difficulties, abuse of alcohol and drugs, mutual intolerance of spouses. They examine the dominant types of spousal domestic violence. It is stressed that the wide-spread feminist views on the discrimination of women by men in families distort the actual picture of spousal violence. The authors study various motives for violent spousal crimes and determine that the motive of inter-family fight for power and leadership is the dominant one for the most dangerous violent infringements, such as murder, intentional infliction of grave bodily harm, threat of murder or of grave bodily harm. The authors summarize that matrimony acts as one of the key values at all stages of family life. When a crime breaks into spousal relationships, it destroys the family, deteriorates its microclimate, traumatizes other family members.

Любовь и страсть, интересы и потребности сопровождают на жизненном пути каждую супружескую чету. В процессе внутрисемейного развития формируется клубок насущных проблем взрослеющих супругов, которые им предстоит преодолеть. Супружество цементирует и сплавливает семейный очаг. Трудности и преграды проверяют на прочность отношения самых близких домочадцев. Возникшее значительное межличностное напряжение, случается, находит свою разрядку в супружеских насильственных преступлениях. Криминальное насилие супругов в отношении друг друга взрывает семью изнутри. Иногда такой конфликт затрагивает иных лиц и становится еще более опасным. Виктимность распространяется за рамки частных отношений супругов. Страдают другие члены общества. Правоприменительной практике известны случаи, когда супружеский конфликт создавал угрозу жизни и здоровью окружающих посторонних лиц. Так, в Санкт-Петербурге 13 октября 2005 г. в 7 часов 30 минут в жилом доме 144 по набережной канала Грибоедова, где зарегистрировано и проживает более ста жильцов, частный предприниматель Д. после ссоры с женой совершил поджог своей квартиры, а также стоявших у дома двух своих автомобилей «Опель-Омега» и «Опель-Аскона», облив их из канистры с бензином. В результате пожара от ожогов различных частей тела виновный скончался на месте происшествия. Из указанной квартиры госпитализированы трое его детей и двое пожилых соседей с ожогами различной степени тяжести. 25 жильцов дома были эвакуированы. Оперативное вмешательство пожарных и органов правопорядка предотвратило более тяжкие последствия¹. Другой пример. Приговором федерального суда Вы-

боргского района Санкт-Петербурга осужден П. 1977 года рождения, который 24 декабря 2006 г. на почве конфликтных отношений в семье позвонил по телефону 03 и сообщил о заминировании своей квартиры, расположенной в многоквартирном доме².

Статистические данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют, что численность супружеских пар в современной России начала XXI в. составляет свыше 30 млн. Из общего числа супружеских пар в 2010 г. 4,4 млн (около 13 %) состояли в незарегистрированном браке³. В грамотном разрешении конфликтов и достижении гармонии, думается, и заключается мудрость супружества.

Результаты большинства проводимых криминологических и социологических исследований говорят о существовании важной тенденции внутрисемейного криминального насилия в современной России: в семье доминируют насильственные преступления именно в отношении наиболее близких домочадцев — супругов и семейных партнеров (сожителей). В частности, более половины (51,4 %) жертв внутрисемейного криминального насилия в исследовании известного криминолога А.Л. Ситковского, которое относится к периоду 1997–2011 гг. и охватывает все регионы России, составили супруги и сожители [1, с. 32–33]. В работе правоведа В.И. Шахова этот показатель достигает 65 % (регион — Ижевск, период — 2000–2002 гг.) [2, с. 21]. Преобладание насилия в семье в отношении самых близких партнеров не только в России, но и в Венгрии, Литве, Румынии отмечено в значимом исследовании, которое выполнено в

¹ Архив 1-го отдела полиции Адмиралтейского района Санкт-Петербурга за 2006 г. Материал № 809.

² Архив федерального суда Выборгского района Санкт-Петербурга за 2008 г. Уголовное дело № 497/08.

³ Сведения Федеральной службы государственной статистики // Российская газета. 2011. 22 дек.

2008 г. международным коллективом социологов и криминологов, среди которых ученые из США (М.А. Штраус), Венгрии (В.Ц. Наги), Румынии (И. Антал), Литвы (С. Саклакова), России (Д.А. Шестаков, К. Лиманская, А. Лысова) [3]. По результатам настоящего исследования, проведенного авторами, жертвы основных внутрисемейных насильственных преступлений в России начала XXI в. (период 2000–2015 гг.) распределены в следующем порядке: супруги (40,0 %), сожители (21,0 %), дети (19,0 %), родители (17,4 %), а также иные родственники (дедушки, бабушки, внуки) или свойственники (дяди, деверья, шурины) (0,4 %). Наряду с выводами из собственного исследования, авторами использованы также сведения из работы В.С. Харламова [4, с. 142]. В последние годы в официальную уголовную статистику России введены количественные показатели внутрисемейных насильственных преступлений и отдельные показатели жертв из числа членов семьи. В табл. 1 представлены сведения ГИАЦ МВД России о количестве внутрисемейных насильственных преступлений в отношении супруга.

Официальные статистические данные свидетельствуют о стабильно высокой доле супругов

(около 40 %), ставших жертвами внутрисемейного криминального насилия, в общей массе всех потерпевших членов семьи в период 2010–2015 гг. в России. Рассматриваемый показатель в 2010 г. составил 41,9 %, в 2015 г. — 39,4 %. Значения общего числа насильственных преступлений в отношении супруга в указанный период варьировали от 13 223 проявлений в 2010 г. до 19 768 — в 2015 г. Примечательно, что последние пять лет количество супругов, ставших жертвами внутрисемейного криминального насилия, неуклонно растет от минимума (11 809) в 2011 г. до максимума (19 998) в 2015 г. Территориальное распределение по федеральным округам в 2015 г. количества насильственных преступлений в отношении супруга отражено в табл. 2. Представленный в табл. 2 среднероссийский показатель уровня криминального супружеского насилия в 2015 г. составил 13,5 %. Высокому значению данного показателя подвержены Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа России. Несколько ниже среднероссийского его значение в таких федеральных округах, как Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Южный и Дальневосточный.

Таблица 1 / Table 1

Сведения о численности насильственных преступлений, совершенных в отношении супруга в период 2010–2015 гг. в России

Information on the number of violent crimes against spouses in 2010–2015 in Russia

Показатель / Indicator	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего зафиксировано насильственных преступлений в отношении супруга / Recorded violent crimes against spouses, total number	13 223	11 669	12 783	14 406	16 492	19 768
Всего потерпевших супругов от насильственных преступлений в отношении супруга / Spousal victims in violent crimes against spouses, total number	13 667	11 809	12 954	14 565	16 671	19 998
Доля супругов из числа всех потерпевших от внутрисемейных насильственных преступлений, %* / Share of spouses among all victims of domestic violence crimes, %	41,9	39,8	38,1	38,1	38,9	39,4

* Расчетное значение.

Источник: Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие / ГИАЦ МВД России. М., 2010–2015. Ф. 455. Кн. 11, 13.

Таблица 2 / Table 2

География численности супружеских насильственных преступлений, зафиксированных в 2015 г. в округах РФ

Geographic distribution of violent spousal crimes recorded in 2015 in the Federal Districts of Russia

Регион / Region	Количество насильственных преступлений в отношении супруга / Number of violent crimes against spouses	Численность населения, тыс. чел. / Population, th. people	Уровень криминального супружеского насилия (на 100 тыс. населения), %* / Level of criminal spousal violence (for 100 th. people), %
Россия / Russia	19 768	146 544,7	13,5
ЦФО / Central FD	2 576	39 104,3	6,6

Окончание табл. 2 / End of the table 2

Регион / Region	Количество насильственных преступлений в отношении супруга / Number of violent crimes against spouses	Численность населения, тыс. чел. / Population, th. people	Уровень криминального супружеского насилия (на 100 тыс. населения), %* / Level of criminal spousal violence (for 100 th. people), %
СЗФО / Northwestern FD	1 289	13 853,7	9,3
СКФО / North Caucasian FD	269	9 718,0	2,8
ЮФО / Southern FD	661	14 044,6	4,7
ПФО / Volga FD	6 054	29 673,6	20,4
УрФО / Ural FD	3 369	12 308,1	27,4
СФО / Siberian FD	4 843	19 324,0	25,1
ДФО / Far Eastern FD	672	6 195,0	10,8

* Расчетное значение.

Источники: Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие / ГИАЦ МВД России. Ф. 455. Кн. 13 ; Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. М., 2016.

Рассматриваемый показатель уровня криминального супружеского насилия в регионах условно можно классифицировать на низкий (до 10 ед.), средний (от 10 до 20 ед.) и высокий (свыше 20 ед.). Предложенная классификация

позволяет сформировать картину пораженности преступным насилием в отношении супруга в семье в различных федеральных округах на основании официальной уголовной статистики за 2015 г. (рис.).

Карта распространности криминального супружеского насилия в федеральных округах России
The map of the distribution of spousal violence in Russian Federal Districts

Представленная карта относит к федеральным округам с высоким уровнем криминального супружеского насилия Приволжский, Уральский и Сибирский; со средним уровнем криминального внутрисемейного насилия — Дальневосточный; с низким — Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский и Южный.

Статистика ГИАЦ МВД России (ф. 455, кн. 11, 13) свидетельствует, что доля россиянок — жертв супружеских насильственных преступлений в общем числе потерпевших от криминального супружеского насилия в 2010 г. составила 90,0 %, в 2011 г. — 90,1 %, в 2012 г. — 89,9 %, в 2013 г. — 91,1 %, в 2014 г. — 91,5 %, в 2015 г. — 89,6 %. Очевидно преобладание лиц женского пола в массиве жертв преступлений рассматриваемой категории. Полученное из сведений уголовной статистики криминальное соотношение женщин и мужчин 9 к 1 относится ко всей совокупности супружеских насильственных преступлений. В то же время гендерное соотношение между жертвами преступлений — женщинами и мужчинами — меняется в зависимости от вида супружеского преступления. Анализ структуры насильственных посягательств свидетельствует, что в начале XXI в. как в супружеских, так и в сожительских российских семьях на каждую убитую жену (сожительницу) приходился один убитый муж (сожитель). Однако при совершении не убийств, а менее тяжких внутрисемейных преступлений зафиксировано иное соотношение жертв по гендерному признаку: абсолютное доминирование пострадавших из числа представительниц слабого пола. Более того, по фактам побоев, истязаний, угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью со стороны других членов семьи пострадавшие мужья и сожители не стремятся подвергнуть судебному преследованию виновных из числа прекрасной половины посредством официальных органов власти. Применительно к семейной сфере фактическое подтверждение нашли выводы профессора С.М. Иншакова и его коллег о высокой латентности совершенных в начале XXI в. в России преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ (с коэффициентом латентности 7,92), ст. 115 УК РФ (с коэффициентом латентности 13,06) и ст. 116 УК РФ (с коэффициентом латентности 14,06) [5, с. 17, 107–108]. По результатам настоящего исследования не выявлено лиц, официально признанных потерпевшими, из числа мужей и сожителей за совершение в отношении них преступлений, предусмотренных ст. 116,

119 УК РФ. Аналогичные результаты получены отечественным криминологом А.Н. Ильяшенко, изучавшим внутрисемейные преступления, совершенные в России в последнюю декаду XX в. [6, с. 271].

Научные исследования в семейной сфере в гендерном ракурсе не ограничиваются отечественными разработками. За рубежом активные научные изыскания по проблеме виктимности мужей в супружеских отношениях и в целом мужчин в семье начались в конце прошлого века с публикации «Синдром избитого мужа» социолога из США С.К. Стейнметц [7]. Автор указанного труда попутно ввела в научный оборот термин «синдром избиваемого мужа». Упомянутая проблематика также освещалась в работах зарубежных авторов, таких как Р. Добаш, К. Скотт, М. Штраус [8–11]. Выводы зарубежных и российских ученых едины в том, что жертвами внутрисемейной агрессии являются не только женщины, но и мужчины. Представительницы слабого пола не только проявляют формальную враждебность по отношению к супругам, но и совершают насильственные действия.

Существенное значение в возникновении криминальной патологии в супружеских отношениях имеют возрастные кризисы. Во время возрастных кризисов возникают или обостряются психические и соматические болезни, усиливается девиантность в поведении домохозяина. Ученые (Ю.В. Алешина, Э.К. Васильева, Л.С. Выготский, Т.В. Корхонен, Н.И. Олиферович, Э. Кречмер, Х. Ремшмидт, Э. Дювалль, Р. Хилл, Р. Нойберт, С.С. Худоян и др.) отмечают, что именно в периоды кризисов в семье часто происходят переломы и резкие изменения жизненного пути личности [12; 13, с. 112–126; 14, с. 7; 15, с. 13–16; 16, с. 15–33; 17, с. 33; 18, с. 7–15; 19, с. 3–7]. Попытаемся выяснить, в чем их феномен.

Известно, что семейная система — динамический многофункциональный организм, объединяющий супругов, детей, других родственников. Каждая личность, каждый индивид, вовлеченный в семейные отношения, наделен биологическими, психическими и социальными системообразующими компонентами. Последние с течением времени развиваются. Соответственно, изменяются параметры всей семейной системы, особенно с рождением детей, уходом иных домохозяев. Большинство семей проходит такие стадии, как ухаживание, брачный отбор, заключение брака, рождение детей, достижение супругами зрелого возраста, отделе-

ние детей от родителей и смерть одного из супругов. Каждая стадия требует нового сценария семейного взаимодействия, пересмотра ролей и функций, которые выполняют супруги в рамках семьи. Рассмотрим наиболее критичные периоды в развитии семейных отношений, когда чаще всего проявляется деструктивное поведение домочадцев.

В период брачного отбора кризис заключается в расхождении мотивации супружества. Кризисные проявления характерны для партнеров, вступающих в брак по обязанности, и лиц, вступающих в брак по принуждению. Формирование неустойчивых отношений приводит к кризису. Отсутствие у партнеров общей стратегии разрушает формирующуюся ячейку общества. Вступившие в брак по желанию и любви молодожены не подвержены стрессовым ситуациям, свойственным вышеуказанному контингенту. В период брачного отбора случаются криминальные проявления в виде похищения невесты и убийства чести. В период первых семи лет совместной жизни кризисные проявления вызываются проблемами взаимной адаптации супругов, нетерпимостью, неуважением к партнеру, нестабильностью структуры семьи в связи с появлением ребенка, стрессовыми ситуациями из-за неурядиц и разногласий в быту. В зону максимального риска попадают молодые пары в возрастном диапазоне 18–35 лет. Показателем неустойчивости отношений на данном жизненном этапе является высокая вероятность развода (до 36 %)⁴.

В период между 17-м и 25-м годами совместной жизни (супруги преимущественно в возрасте 37–55 лет) кризис обусловлен повышением эмоциональной неустойчивости; стрессом из-за возникшего чувства одиночества, связанного с уходом детей; неудовлетворением потребности во взаимопомощи по вопросам ведения домашнего хозяйства; недостаточностью заботы и понимания; усилением различий в потребностях по проведению досуга и увлечениям; пристрастием одного из супругов к чрезмерному удовлетворению своих потребностей. Вероятность развода на данном жизненном этапе достигает 20 %⁵. По сведениям

социологической статистики, к разводам в порядке убывания приводят следующие факторы: алкоголизм и наркомания — 51 %; отсутствие собственного жилья — 41 %; взаимная нетерпимость супругов — 31 %; материальное неблагополучие — 29 %; вмешательство родственников в семейную жизнь — 18 %; отсутствие детей — 10 %; длительная разлука — 8 %; физические недуги — 2 %⁶. Представленные выше факторы социологами рассматриваются в качестве доминирующих. К разводам приводят также менее значимые факторы, такие как сексуальная несовместимость, разногласия с неродными детьми, депортация и аннулирование виз в браках с иностранцами.

Семейная вражда и криминальные конфликты с большой вероятностью происходят в указанные кризисные периоды, когда представители конфликтующих сторон в расцвете лет. Преобладание среди пострадавших от внутрисемейных насильственных преступлений лиц зрелого возраста можно объяснить отчасти тем, что на возрастные группы населения 30–50 лет приходится наибольшее количество лиц, состоящих в браке. У некоторых людей по мере возрастания активности и притязаний к среде, в результате попыток определения своего места в ней могут обостряться конфликты индивидуально-психологического и социально-психологического характера (так называемый кризис зрелого возраста). Исследования показывают, что период высокой социальной активности связан со временем наибольшего накопления эмоционально-психологических переживаний, аффективных состояний и конфликтов личности как внутри ее самой, так и со средой, с ростом тревоги за себя. В данном возрасте наиболее остро проявляется реакция на пренебрежение, отсутствие взаимности в любви, несовместимость характеров, нарушение супружеской верности, пьянство, жестокость и т.д., обуславливающие конфликтность отношений и возрастание ее остроты.

Кризис супружества на поздних этапах жизненного пути связан с выходом на пенсию, сменой ролевого репертуара, смещением притязаний с социального статуса на жизненный опыт и нравственные качества. В пожилом возрасте у личности повышается тревожность из-за нездо-

⁴ Демоскоп Weekly // Демографический еженедельник. 2016. 7–20 марта. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0677/barom04.php> ; Статистика разводов и браков в России. URL: http://www.stat.ru/obshchestvo/statistika_razvodov_i_brakov ; URL: <http://womanadvice.ru/statistika-razvodov-v-rossii#ixzz2qajoZOmj>.

⁵ Там же.

⁶ Демоскоп Weekly // Демографический еженедельник. 2016. 7–20 марта ; Статистика разводов и браков в России ; URL: <http://womanadvice.ru/statistika-razvodov-v-rossii#ixzz2qajoZOmj>.

ровья, слабой защищенности, малообеспеченности, стрессонеустойчивости. Конфликтность в семьях пенсионеров зачастую базируется на давних обидах, связанных с изменами, некорректным поведением, с убеждением в том, что партнер не может, не желает жить как все, т.е. соответствовать определенным стандартам. Нередко наслаивание, накопление личных обид дает кумулятивный эффект, вызывающий противоправное поведение [20; 21; 22, с. 31].

Итак, криминофамилистический анализ возрастных кризисов супружества закладывает основу для последующего профилактического антикриминогенного воздействия в рамках так называемой супружеской терапии [23].

К числу наиболее распространенных видов внутрисемейного насилия в отношении супругов молодого и зрелого возраста следует отнести насилие физическое, психологическое, сексуальное, эмоциональное, интеллектуальное, религиозное, медицинское, экономическое, изоляцию и подавление. В отношении пожилых супругов доминирует насилие геронтологическое, включающее физическое, психологическое, экономическое, лекарственное, ограниченные свободы поведения.

Одним из успешных продвижений феминизма в России являются последние новации уголовного законодательства, закрепленные в федеральных законах от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ⁷, от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ⁸ и от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ⁹. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ предусмотрена санкция в виде судебного штрафа для лица, впервые совершившего криминальное посягательство небольшой или средней тяжести (в частности, побои, угроза убийством). Принятый 7 февраля

2017 г. федеральный закон № 8-ФЗ переводит побои в отношении близких родственников из разряда преступлений в административные деликты при совершении проступка впервые. Введенная федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ статья 6.1.1 КоАП РФ «Побои» влечет наложение административного штрафа в размере от 5 тыс. до 30 тыс. р., либо административный арест на срок от 10 до 15 суток, либо обязательные работы на срок от 60 до 120 часов. В соответствии с законодательными поправками первый выявленный факт внутрисемейного конфликта с применением насилия квалифицируется как административное правонарушение (ст. 6.1.1 КоАП РФ). В случае если виновное лицо ранее привлекалось к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, за повторные побои семейный дебошир подлежит уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ. В то же время указанный семейный дебошир может быть освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере до 250 тыс. р., когда он возместил ущерб или иным образом загладил причиненный преступлением вред (ст. 76.2 УК РФ).

Думается, что обучение коммуникабельности законодатель подменил санкциями, влекущими для семьи материальный ущерб в виде административного или судебного штрафа. Снижение благосостояния семьи не уменьшает внутрисемейную конфликтность и криминогенность. Напротив, для ссорящихся домочадцев создаются препятствия для примирения и прохождения специальных программ разрешения внутрисемейных конфликтов. Закон может и должен предусматривать меры по снижению враждебности домочадцев, формированию благожелательности в семье, обучению домашних агрессоров приходить к консенсусу. Следует заметить, что доминирующим массивом внутрисемейных преступлений являются именно преступления небольшой или средней тяжести, к которым относятся умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 и 116.1 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

В ходе исследования супружеских преступлений значимую роль играет изучение процесса мотивации поведения в криминогенной семейной ситуации. Выделим три аспекта внутрисемейной мотивации: 1) связь мотивов с эмоциями; 2) мотив как результат столкновения полярных ориентаций; 3) мотив как проявление

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. 2. Ст. 4256.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ // Там же. Ст. 4259.

⁹ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 7 февр. 2017 г. № 8-ФЗ // Там же. 2017. № 7. Ст. 1027.

механизма сопротивления системы ее разрушению [24, с. 68–69; 25, с. 36]. В соответствии с упомянутыми аспектами представим типичные ситуации, которые предшествовали криминальному насилию в отношении супругов (сожителей).

Эмоционально окрашенная ситуация возникает, когда преступник действительно становится свидетелем факта супружеской неверности. Такое насилие носит ярко выраженный ситуационный характер и совершается преимущественно в состоянии сильного душевного волнения. Так, в Невском районе Санкт-Петербурга Б-в, вернувшись домой, обнаружил жену в кровати с посторонним. Выпроводив его, Б-в задушил супругу бюстгалтером¹⁰. В ходе собеседования виновный Б-в сообщил, что его действиями руководила месть за измену. Жить и доверять человеку, который способен на личное предательство, было выше его сил.

Муж (сожитель) злоупотребляет спиртными напитками, постоянно предъявляет претензии к нормам поведения супруги (сожительницы), противопоставляя себя ей. Самоутверждение преступника проявляется в упорном отстаивании своей позиции без желания прийти к компромиссу. Насильник пытается психологически подавить волевые качества жертвы, преодолевая собственную неуверенность и устраивая скандалы, которые сопровождаются нанесением побоев, угрозами. В результате угроза приводится в исполнение.

Ковалев пришел в кладовую цеха ДСК-3, где кладовщицей работала его жена. Во время ссоры, возникшей на почве выяснения отношений, Ковалев застрелил жену из пистолета, после чего покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову¹¹. Посткриминальный суицид встречается в супружеских конфликтах. Придя в себя после совершенного особо тяжкого преступления, виновный пытается покончить жизнь самоубийством, понимая, что любимый человек потерян безвозвратно.

Жена (сожительница) нередко употребляет алкоголь, не ночует дома, не занимается семьей. На этой почве возникают конфликты, в результате ссоры партнер совершает насилие. Утративший доверие к жене Данилин во время ссоры, возникшей на почве выяснения отношений, избил руками и ногами свою жену и выбро-

сил ее из окна своей квартиры на третьем этаже. Данилина от полученных повреждений скончалась на месте происшествия¹².

Отметим наиболее актуальные аспекты мотивации поведения агрессора-супруга в криминальной внутрисемейной ситуации. Мотив внутрисемейной борьбы за власть и лидерство преобладает в большинстве наиболее опасных насильственных преступлений, таких как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Мотив доминирования в семье характерен для мужчин. Женщинам-агрессорам присущ мотив возмещения злобы из-за личных неудач. Указанный мотив насильственных внутрисемейных преступлений распространен при умышленном причинении средней тяжести и легкого вреда здоровью. Остальные мотивы внутрисемейных насильственных преступлений (в частности, корысть, месть, ревность) не являются приоритетными для супругов.

Подводя итог, следует констатировать, что супружество выступает одной из ключевых ценностей на всех этапах жизни семьи. Криминал, врывающийся в супружеские отношения, разрушает семью, ухудшает внутрисемейный микроклимат, травмирует других домочадцев.

Официальная уголовная статистика свидетельствует о следующих приоритетных тенденциях криминального насилия в супружеских отношениях:

1. Последние пять лет, в период 2011–2015 гг., в России наблюдается неуклонный рост супружеских насильственных преступлений.

2. В общем массиве потерпевших от насильственных преступлений в семье зафиксирована стабильно высокая доля супругов (около 40 %), ставших жертвами внутрисемейного криминального насилия.

3. Высокому уровню криминального супружеского насилия в 2015 г. были подвержены Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа России. В Центральном, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Южном и Дальневосточном федеральных округах уровень криминального внутрисемейного насилия несколько ниже среднероссийского.

4. В общем числе потерпевших от криминального супружеского насилия преобладает

¹⁰ Архив Невского федерального суда Санкт-Петербурга за 1997 г. Уголовное дело № 1-1255.

¹¹ Архив прокуратуры Кировского района Санкт-Петербурга за 1999 г. Уголовное дело № 2158.

¹² Архив Октябрьского федерального суда Адмиралтейского района Санкт-Петербурга за 2000 г. Уголовное дело № 1-1409.

доля россиянок — жертв супружеских насильственных преступлений.

5. Мотив внутрисемейной борьбы за власть и лидерство преобладает в большинстве наи-

более опасных насильственных преступлений, таких как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ситковский А.Л. Концептуальные основы виктимологической защиты жертв насильственной преступности : учеб. пособие / А.Л. Ситковский, И.Р. Шикюла. — М. : ВНИИ МВД России, 2012. — 120 с.
2. Шахов В.И. Насилие в семье. Уголовно-правовое и криминологическое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Шахов. — Казань, 2003. — 27 с.
3. Корреляция преступности и доминирования с физическими нападениями и телесными повреждениями партнеров / М.А. Штраус, Антал Имола, К. Лиманская и др. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 1 (14). — С. 157–182.
4. Харламов В.С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье / В.С. Харламов. — СПб., 2014. — 392 с.
5. Латентная преступность в Российской Федерации, 2001–2006 / под ред. С.М. Иншакова. — М. : Юнити-Дана, 2007. — 351 с.
6. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты / А.Н. Ильяшенко. — М. : Профобразование, 2003. — 408 с.
7. Steinmetz S.K. The battered husband syndrome / Suzanne K. Steinmetz // *Victimology*. — 1977–1978. — Vol. 2, iss. 3–4. — P. 499–509.
8. Dobash R.P. Women's violence to men in intimate relationships. Working on puzzle / R.P. Dobash, R.E. Dobash // *British Journal of Criminology*. — 2004. — № 44. — P. 324–349.
9. Dobash R.E. Violence against wives: A case against the patriarchy / R.E. Dobash, R.P. Dobash. — New York : Free Press, 1979. — P. 481–490.
10. Scott K. Denial, Minimization, Partner Blaming and Intimate Aggression in Dating partners / K. Scott, M. Straus // *Journal of Interpersonal Violence*. — 2007. — Vol. 22, № 7. — P. 851–871.
11. Straus M. Gender symmetry in partner violence: evidence and implications for prevention and treatment / M. Straus, K. Scott // *Prevention of Partner Violence* / eds J.R. Lutzkerand, D.J. Whitaker. — Washington : American Psychological Association, 2009. — P. 245–271.
12. Алешина Ю.В. Цикл развития семьи: исследования и проблемы / Ю.В. Алешина // *Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология*. — 1987. — № 2. — С. 60–72.
13. Васильева Э.К. Семья и ее функции: демографо-статистический анализ / Э.К. Васильева. — М. : Статистика, 1975. — 181 с.
14. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. — М. : Эксмо, 2005. — 1136 с.
15. Корхонен Т.В. Кризисная концепция теории социальной работы в контексте виталистской социологии: теоретико-методологический аспект : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Т.В. Корхонен. — Барнаул, 2003. — 168 с.
16. Крахотвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний / С. Крахотвил. — М. : Медицина, 1991. — 336 с.
17. Олиферович Н.И. Психология семейных кризисов / Н.И. Олиферович, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. — СПб. : Речь, 2006. — 360 с.
18. Слепухина Г.В. Психологическое обеспечение социальной работы с семьей / Г.В. Слепухина. — Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2006. — 107 с.
19. Худоян С.С. Проблема возрастных кризисов развития личности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / С.С. Худоян. — Ереван, 2010. — 248 с.
20. Елютина М.Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте / М.Э. Елютина // *Социологические исследования*. — 2010. — № 11. — С. 83–92.
21. Елютина М.Э. Стратегии выживания пожилой семьи / М.Э. Елютина // *Интегрированная старость: практики социального участия* / под ред. М.Э. Елютиной. — Саратов : Наука, 2007. — С. 175–185.
22. Шахматова Н.В. Социология поколений. Поколенческая организация современного российского общества / Н.В. Шахматова ; ред. А.Д. Крахмалева. — Саратов : Изд-во СГУ, 2000. — 172 с.
23. Хейли Дж. Супружеская терапия / Дж. Хейли. — Новосибирск : Ин-т семейн. терапии, 2004. — 45 с.
24. Шестаков Д.А. Семейная криминология: Криминофамилистика / Д.А. Шестаков. — 2-е изд. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 389 с.
25. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья — конфликт — преступление / Д.А. Шестаков. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. — 264 с.

REFERENCES

1. Sitkovskii A.L., Shikula I.R. *Kontseptual'nye osnovy viktimologicheskoi zashchity zhertv nasil'stvennoi prestupnosti* [The conceptual basis of victimological protection of the victims of violent crimes]. Moscow, All-Russian Research Institute of Russian Ministry of the Interior Publ., 2012. 120 p.
2. Shakhov V.I. *Nasilie v sem'e: Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie*. Avtoref. Kand. Diss. [Domestic violence: criminal law and criminological significance. Cand. Diss. Thesis]. Kazan', 2003. 27 p.

3. Shtraus M.A., Antal I., Limanskaya K. (et al.). The correlation of crimes and domination with physical assaults and bodily harm to partners. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2008, no. 1 (14), pp. 157–182. (In Russian).
4. Kharlamov V.S. *Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt protivodeistviya kriminal'nomu nasiliyu v sem'e* [Russian and Foreign Experience of Counteracting Criminal Domestic Violence]. Saint Petersburg, 2014. 392 p.
5. Inshakov S.M. (ed.). *Latentnaya prestupnost' v Rossiiskoi Federatsii, 2001–2006* [Latent Crimes in the Russian Federation, 2001–2006]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2007. 351 p.
6. Il'yashenko A.N. *Protivodeistvie nasil'stvennoi prestupnosti v sem'e: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Counteraction to Violent Crimes in Families: Criminal Law and Criminological Aspects]. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2003. 408 p.
7. Steinmetz Suzanne K. The battered husband syndrome. *Victimology*, 1977–1978, vol. 2, iss. 3–4, pp. 499–509.
8. Dobash R.P., Dobash R.E. Women's violence to men in intimate relationships. Working on puzzle. *British Journal of Criminology*, 2004, no. 44, pp. 324–349.
9. Dobash R.E., Dobash R.P. *Violence against wives: A case against the patriarchy*. New York, Free Press, 1979, pp. 481–490.
10. Scott K., Straus M. Denial, Minimization, Partner Blaming and Intimate Aggression in Dating Partners. *Journal of Interpersonal Violence*, 2007, vol. 22, no. 7, pp. 851–871.
11. Straus M., Scott K. Gender symmetry in partner violence: evidence and implications for prevention and treatment. In Lutzkerand J.R., Whitaker D.J. (eds). *Prevention of Partner Violence*. Washington, American Psychological Association, 2009, pp. 245–271.
12. Aleshina Yu.V. Family development cycle: research and problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 1987, no. 2, pp. 60–72. (In Russian).
13. Vasil'eva E.K. *Sem'ya i ee funktsii* [Family and its Functions]. Moscow, Statistika Publ., 1975. 181 p.
14. Vygotskii L.S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [The Psychology of Human Development]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 1136 p.
15. Korkhonen T.V. *Krizisnaya kontseptsiya teorii sotsial'noi raboty v kontekste vitalistskoi sotsiologii: teoretiko-metodologicheskii aspekt*. Kand. Diss. [The crisis concept of social work within the context of vitalistic sociology: theoretical and methodological aspect. Cand. Diss.]. Barnaul, 2003. 168 p.
16. Kratokhvil S. *Psikhoterapiya semeino-seksual'nykh disgarmonii* [Psychotherapy of Family and Sexual Discords]. Moscow, Meditsina Publ., 1991. 336 p.
17. Oliferovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. *Psikhologiya semeinykh krizisov* [Psychology of Family Crises]. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2006. 360 p.
18. Slepukhina G.V. *Psikhologicheskoe obespechenie sotsial'noi raboty s sem'ei* [Psychological Support of Social Work with Families]. Magnitogorsk State University Publ., 2006. 107 p.
19. Khudoyan S.S. *Problema vozrastnykh krizisov razvitiya lichnosti. Dokt. Diss.* [The problem of age crises in personal development. Doct. Diss.]. Erevan, 2010. 248 p.
20. Elyutina M.E. Spousal relations for elderly couples. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2010, no. 11, pp. 83–92. (In Russian).
21. Elyutina M.E. Survival strategy for elderly couples. In Elyutina M.E. (ed.). *Integrirrovannaya starost': praktiki sotsial'nogo uchastiya* [Integrated Senior Age: the Practice of Social Participation]. Saratov, Nauka Publ., 2007, pp. 175–185. (In Russian).
22. Shakhmatova N.V.; Krakhmaleva A.D. (ed.). *Sotsiologiya pokolenii. Pokolencheskaya organizatsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Sociology of Generations. Generational Organization of Contemporary Russian Society]. Saratov State University Publ., 2000. 172 p.
23. Haley J. *Strategies of Psychotherapy*. New York, 1963. 204 p. (Russ. ed.: Haley J. *Supruzheskaya terapiya*. Novosibirsk, Institute of Family Therapy Publ., 2004. 45 p.).
24. Shestakov D.A. *Semeinaya kriminologiya: Kriminofamilistika* [Family Criminology: Criminofamilistics]. 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2003. 389 p.
25. Shestakov D.A. *Semeinaya kriminologiya: sem'ya — konflikt — prestuplenie* [Family Criminology: Family — Conflict — Crime]. Saint Petersburg State University Publ., 1996. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Очередько Виктор Пантелеевич — заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ocheredkovp@mail.ru.

Ломтев Сергей Петрович — заместитель ректора по подготовке кадров высшей квалификации Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: aspirant18@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ocheredko, Victor P. — Deputy Director for Research, Northwestern Branch of Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of RF Higher School, Saint-Petersburg, the Russian Federation; e-mail: ocheredkovp@mail.ru.

Lomtev, Sergey P. — Deputy Rector for Training Highly Qualified Personnel, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: aspirant18@yandex.ru.

Kharlamov, Valentin S. — Ass. Professor, Chair of Criminology, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint-

Харламов Валентин Станиславович — доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: valentinx55@mail.ru.

Petersburg, the Russian Federation; e-mail: valentinx55@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Очередыко В.П. География криминального супружеского насилия в современной России / В.П. Очередыко, С.П. Ломтев, В.С. Харламов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 666–676. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).666-676.

FOR CITATION

Ocheredko V.P., Lomtev S.P., Kharlamov V.S. The geography of criminal spousal violence in contemporary Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 666–676. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).666-676. (In Russian).